

ТРАДИЦИЯ МЕСТНИЧЕСТВА В БУХАРЕ

Вопросы этнополитической и этно-социальной истории Средней Азии остаются важной и актуальной проблемой. В историографии региона они незаслуженно играли вторичную роль, уступая первенство политической истории и истории культуры. Возможно, такое положение сложилось вследствие того, что разрозненную информацию по этим вопросам необходимо собирать из многочисленных сочинений на арабском, персидском и чагатайском языках, где она беспорядочно разбросана. Однако сведения в сочинениях мусульманских авторов обладают большой значимостью, они позволяют с определенной степенью выстроить картину взаимоотношений в рамках государственных институтов, межплеменных отношений и традиционного для региона взаимодействия оседлого и кочевого населения (Бухарский трактат 1948; Бахр ал-асрар; Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси; Шараф-нама-йи шахи 1983; Дастур ал-мулук 1971).

Для периода Бухарского ханства, который традиционно отсчитывают с эпохи Шибанидов (1501–1601), характеризовавшегося активным проникновением в регион русских и европейских торговых и политических агентов, большую роль играют предоставляемые ими сведения, служащие надежной, а иногда и уникальной информацией (Наказ 1894; Статейный список 1897; Беневини 1853; Early voyages 1886).

Среди работ отечественных и зарубежных ориенталистов и историков, занимавшихся данной проблематикой, следует отметить следующие исследования, непосредственно посвященные интересующему нас сюжету местничества в системе государственного аппарата Бухарского ханства. Огромный вклад в формирование туркестановедения и исследований по Центральной Азии как самостоятельной научной историко-этнографической дисциплины внес акад. В.В. Бартольд (1869–1930). В отношении рассматриваемой нами проблемы особый интерес представляет его сочинение «Церемониал при дворе узбекских ханов», в которой он описывает систему распределения должностей в государственном аппарате Бухарского ханства при Аштарханидах (1601–1785).

Одним из основателей направления этно-социальной истории Мавераннахра был акад. АН ТаджССР проф. А.А. Семенов (1873–1958), написавший целый ряд работ (Семенов 1954; 1956) по формированию этнического состава государственных образований региона и эволю-

ции их властных структур, вызванных изменениями во властной традиции, а также выполнивший переводы некоторых весьма ценных исторических сочинений (Муким-ханская история 1956; История Абу-л-Файз-хана 1959; Убайдалла-наме 1957).

Исследование данной проблематики продолжилось в работах М.А. Абдураимова, чей труд «Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве» по настоящее время не утратил своей актуальности. Целый ряд сюжетов, связанных с системой государственного управления, рассмотрен в монографии акад. АН Узбекистана Б.А. Ахмедова (Ахмедов 1982). Анализ родоплеменной структуры и системы родоплеменных отношений среднеазиатских кочевников и их взаимодействие с оседлым населением Мавераннахра исследуется проф. Т.И. Султановым (Султанов 1977; 1982; 2001, Кляшторный, Султанов 2004). В весьма кратком изложении так выглядит источниковедение и историография проблемы¹.

Местничество — довольно распространенное явление в системе политической или государственной организации традиционных обществ. По своей сути эта система может основываться на национальных и/или родственных связях, а также принадлежности к определенной территории (*землячество*). Местничество может базироваться на одном из вышеуказанных принципов, или оба принципа могут функционировать одновременно, что мы и отмечаем для центральноазиатского региона. Однако местничество в Бухарском ханстве имеет и свои отличительные особенности.

Система властных отношений в Бухарском ханстве, а также система государственного управления сформировалась при Шибанидах. Аштарханиды, пришедшие им на смену, только заимствовали ее (Абдураимов 1966: 69–73; Алексеев 2006: 140). Данная система однозначно ориентировалась на кочевое строение государства, в связи с чем в ее основе лежала система иерархии племен. В рассматриваемый период этнический состав ханства был довольно стабилен, смена Шибанидов Аштарханидами не повлекла за собой изменения в родоплеменном составе государства².

Еще в XVIII в. было отмечено, что узбекские племена имеют определенную систему ранжирования, базирующуюся на военном могуществе (т.е. численности племени), а также положении его в системе политической организации государства. При этом *списки племен илатийа* не лишены так называемых *номинальных групп*, которые не имеют к *узбекам* (например, *туксаба*, *шаджара*), да и — шире — к тюрко-монгольским племенам никакого отношения (*'араб*, *афган*, *курама* и др.). В соответствии с положением племени в правом/левом крыле (*бараунгар/джунгар* или *маймана/майсара*) или центре (*гол*, *кул*) происходило распределение постов в государственном аппарате и занятие мест при дворцовых церемониях. Традиция местничества проявлялась в том, что за представителями конкретного племени за-

креплялось право занятия определенных должностей в государственном аппарате³.

Однако местничество не распространялось только на занятие государственных должностей. Они зачастую могли быть просто почетными званиями, при этом система властных полномочий их носителей была довольно запутана. Право отправления должности автоматически распространяло на ее носителя право распоряжаться главным средством регулирования экономических отношений в регионе, без которого невозможна никакая производственная деятельность, — водой (Бухарский трактат 1948: 144–145). Закрепление права распоряжаться тем или иным бухарским каналом укрепляло экономическое положение племени и отдельных его представителей⁴.

Постараемся проиллюстрировать систему на некоторых примерах⁵. В списках *илатийа* первые места занимают племена *минг*, *йуз*, *кирк* (общее наименование — *марка*). Этимология названий племен восходит к тюркским числительным (*тысяча*, *сотня* и *сорок* соответственно), а традиция их именования подобным образом, как предполагается, соотносится с разделением армии на подразделения. Данные племена были довольно многочисленны, а их представители имели право занятия верховных должностей: *аталыка*, *парваначи*, *дадхаха*. При этом выходцы из племен *минг* и *йуз* довольно часто упоминаются на страницах исторических сочинений, в то время как *кирк* — относительно редко (Бахр ал-асрар л. 121а; Убайдалла-наме 1957: 34–38, 43, 135 и др.). В вассальном от Бухары Балхском ханстве племя *минг* претендовало на должность *куш-беги* (ханского ловчего) (Бахр ал-асрар л. 239а).

Аргун. Многочисленное племя, представители которого стремились закрепить за собой верховные должности государственного аппарата; в аштарханидское время неоднократно занимали должность *аталыка* (Муким-ханская история 1956: 79; Ахмедов 1982: 102).

Джалаур. Представители этого племени занимали почетное место слева от хана. Представители племени имели право на должности *аталыка*, *парваначи*.

Сарай. Выходцы из этого племени довольно часто фигурируют на страницах исторических источников эпохи Аштарханидов и занимают различные должности. В частности, они часто занимали пост *мирахура* (главного конюшего).

Кунграт. По правилам местничества во время дворцовых церемоний располагались слева от хана и занимали должности *ишик-акабаши* (главного церемониймейстера). Кроме них на эту должность могли претендовать *курчи* и *дурманы*, а если достойных людей из этих племен не находилось, тогда претендентов искали среди *буйраков* и *кийатов* (Бартольд 1964: 396).

Алчин. При Аштарханидах добились наивысшего могущества и долгое время сохраняли за собой пост верховного *аталыка*, «урав-

ненного в правах с султанами», т.е. членами ханского рода (*алтын уруг*). Впоследствии потерпели поражение от *мангитов* и, утратив свой высокий статус, занимали относительно невысокую должность *караул-биги* (начальника городской стражи) (Мукум-ханская история 1956: 138–139; Ахмедов 1982: 118).

Кипчак. Занимали правое от хана положение, могли претендовать на должность *дадхаха*⁶ (Убайдалла-наме 1957: 77).

После вторжения Надир-шаха афшара (правил 1736–1747) система государственного устройства Бухарского ханства изменилась. *Мангиты* получили право постоянного отправления должности *аталыка*, а впоследствии устранили саму ханскую власть. Однако идея местничества никуда не исчезла, сократилось лишь число племен и родов, которые могли входить в госаппарат.

Вместо заключения скажем, что традиция местничества сохраняется в Центральной Азии по настоящее время. В случае Республики Таджикистан, которая располагается на значительной части историко-культурной области Восточной Бухары, она видна не только в организации государственного аппарата, но и в контроле над «сферами влияния». С 1991 г. привилегированное положение занимает *кулябское землячество*, которое вытеснило с политической арены своих союзников — *ходженцев*, пользовавшихся в советское время исключительными правами на власть. До гражданской войны в Таджикистане существовало негласное разделение областей деятельности: властные структуры контролировались *ходженцами*, силовые ведомства и торговля сосредоточились в руках *гармцев*, *бадахшанцы* играли ведущую роль в области культуры, науки и образования, а *кулябское землячество* занималось теневой экономикой и контролировало преступный мир республики (Лунев 2008: 472–474). В последнее время эта система претерпела определенные изменения, вызванные внутривнутриполитической ситуацией.

В ходе экспедиции 2008 г. на территории Горно-Бадахшанской автономной области информанты из числа местного населения отмечали, что у памирцев традиция местничества, основывающаяся на территориальном принципе, проявляется в профессиональной и образовательной деятельности, что может объясняться особыми природными условиями и труднодоступностью региона.

В Узбекистане местничество носит более завуалированный характер, однако присутствует в различных сферах общественных отношений, что признается официальными властями (Жаримов 2004).

¹ При рассмотрении источниковедения и историографии вопроса мы умышленно не касались сюжетов, связанных с религиозными верованиями народов региона. Безусловно, данная проблематика входит в круг вопросов этносоциального и этнополитического характера; религия оказывает влияние и на хо-

зайтвенную жизнь народов региона, однако эта проблематика весьма хорошо разработана и напрямую не соотносится с рассматриваемой темой.

² Согласно Махмуду б. Вали, Аштарханидов при их переселении сопровождали около 100 воинов. Названия племен, из которых они происходили, встречаются в Мавераннахре еще и до Аштарханидского времени. Достаточно сравнить сведения Бахр ал-асрар и соответствующего раздела Шайбани-нама Мулла Бинайи. См.: (Бахр ал-асрар, л. 35а; Шайбани-нама, 7).

³ Например, в Московском государстве существовала иная система местничества, в основе которой лежал принцип степени родства в рамках одного боярского рода и происхождения самих боярских родов. Назначение на должность и ее отправление соотносилось со *случаями* (прецедентами) занятия должности *отцами* (т.е. старшими родичами), для чего существовали две специальные системы, именуемые простым или сложным местническим счетом. Подробнее см.: (Ключевский 1995: 454–466).

⁴ Например, занятие должности *аталыка* давало право распоряжаться водами реки Зарафшан в ее течении от Самарканда до Каракуля (Семенов 194: 144–145). *Туксаба* (военачальник, который имеет право распускать собственное знамя) становился правителем бухарского *тумана* Харканд и заведовали его оросительной системой (см.: Абдураимов 1966: 84). В то же время должность *ишик-ака-баши* давала право на управление балхским туманом Шаберган и его ирригационными каналами (Убайдаллах-нама, 172).

⁵ Число примеров, которые нам удалось собрать, невелико по той причине, что мусульманские авторы при упоминании того или иного исторического персонажа часто указывали только его должность, опуская племенную принадлежность.

⁶ Круг обязанностей носителей этой должности сильно варьировался. Махмуд б. Вали указывает на обязанности дадхаха Мансур-ходжи, служившего при дворе Надир-Мухаммад-хана (правил в Балхе 1608–1642, в Бухаре — 1642–1645; вторично в Балхе — 1645–1651), которые заключались в «уничтожении врагов государства, наказании бунтовщиков, военных делах и делах простых подданных, делах дивана и всего другого из дел государевых и уделов различных областей царства» (Бахр ал-асрар, л. 295а).

Библиография

Абдар-рахман Тале'. История Абу-л-Файз-хана / Пер., пред, прим. и указ. А.А. Семенова. Ташкент, 1959.

Абдураимов М.А. Очерки отношений в Бухарском ханстве в XVI — пер. пол. XVII вв. Ташкент: ФАН, 1966.

Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов (по материалам исторического сочинения Бахр ал-асрар). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

Ахмедов Б.А. История Балха (XVI — пер. пол. XVIII вв.). Ташкент: ФАН, 1982.

Бартольд В.В. Церемониал при дворе узбекских ханов // Бартольд В.В. Сочинения. М.: Вост. лит-ра, 1964. Т. II. Ч. 2. С. 388–399.

Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях их носителей в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. М.; Л., 1948. Т. V.

Беневини Ф. Реляции из Бухары // Попов А. Сношения России с Хивой, Бухарой при Петре Великом / ЗИРГО. 1853. Т. IX. С. 270–424.

Искандар Муниши. Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси. Рук. СПб ИВР РАН С 444, С 445.

Каримов И. Узбекистан на пороге XXI в.: Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // http://2004.press-service.uz/rus/knigi/9tom/6tom_5_5.htm

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. I.

Клишторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петерб. вост., 2004.

Лунев С.И. Политические процессы в Центральной Азии // Политические системы и политические культуры Востока / Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, 2007. С. 472–474.

Махмуд б. Амир Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар. Фотокоп. рук. ФВ-258 СПб ИВР РАН.

Мухаммад Юсуф Муниш. Мукум-ханская история / Пер. с перс.-тадж. прим. и указ. А.А. Семенова. Ташкент, 1956.

Мир Мухаммад Амин-и Бухари. Убайдалла-наме / Пер. с перс. с прим. А.А. Семенова. Ташкент, 1957.

Наказ Семену и Борису Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч // Русская историческая библиотека / Изд. под ред. А.Н. Труворова. СПб., 1894. Т. XV. С. 1–91.

Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Семенов А.А. Первые Шибаниды и борьба за Мавераннахр // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Семенов А.А. Очерки устройства административного управления Бухарского ханства позднего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 2. Сталинабад, 1954.

Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова // Сб. кн. Хилкова. СПб., 1897. № 107.

Султанов Т.И. Опыт анализа традиционных списков 92 «племен ил-тайа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б.Г. Гафурова и Б.А. Литвинского. М., 1977. С. 165.

Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М.: Наука, 1982.

Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-пресс, 2001.

Хафиз-и Таныш б. Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Факс. рук. D 88 / Пер. с перс., введ., прим. и указ. М.А. Салахетдиновой. М., 1983.

Ходжа Самандар Термизи. Даустур ал-мулук (Назидание государям). Факс. старейшей рук. / Пер. с перс., пред., прим и указ. М.А. Салахетдиновой. М., 1971.

Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen; with some account of the first intercourse of the English with Russia and Central Asia by way of the Caspian Sea / Ed. by E. Delmar Morgan, C.H. Coote. London: Printed for the Hakluyt Society, 1886.

Mulla Bina'i, Kamal al-Din Ali. Shaybani-nama / Ed. by Kazuyuki Kubo. Kyoto, March 1997.